

МАРИНА КИСТЯЕВА

**ЕГО ЛИЧНАЯ ЗВЕЗДА.
РАЗРУШАЯ ПРЕГРАДЫ**

КНИГА 2

Марина Кистяева

**Его личная звезда.
Разрушая преграды. Книга 2**

«Кистяева Марина»

2018

Кистяева М. А.

Его личная звезда. Разрушая преграды. Книга 2 /
М. А. Кистяева — «Кистяева Марина», 2018

«Ириде пришлось поторопиться. Час. У неё был всего лишь час. Небольшой отрезок времени, чтобы привести себя в порядок и прилететь к Славинскому. Небеса, она собиралась в его дом. К нему. Непостижимо. И всё же... В выборе одежды Ирида не заморачивалась. Выудила из бельевого шкафа первую попавшуюся одежду. Ею оказалось бежевое платье-футляр. Сверху накинула кардиган. Волосы забрала в высокий хвост. С лицом было сложнее. Краситься не хотелось, но пришлось использовать тональное средство, чтобы скрыть синяки под глазами и бледность. Тронула ресницы тушью, губы – бальзамом, чтобы не казались совсем уж синюшными...»

© Кистяева М. А., 2018

© Кистяева Марина, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Кистяева

Его личная звезда. Разрушая преграды. Книга вторая

Глава 1

Ириде пришлось поторопиться. Час. У неё был всего лишь час. Небольшой отрезок времени, чтобы привести себя в порядок и прилететь к Славинскому.

Небеса, она собиралась в его дом. К нему. Непостижимо. И всё же...

В выборе одежды Ирида не заморачивалась. Выудила из бельевого шкафа первую попавшуюся одежду. Ею оказалось бежевое платье-футляр. Сверху накинула кардиган. Волосы забрала в высокий хвост. С лицом было сложнее. Краситься не хотелось, но пришлось использовать тональное средство, чтобы скрыть синяки под глазами и бледность. Тронула ресницы тушью, губы – бальзамом, чтобы не казались совсем уж синюшными.

Выйдя из спального отсека, Ирида натолкнулась на Стаса, который нервно расхаживал по гостиной.

– Готова?

– Да, – сухо ответила Ирида, хотя ей отчаянно и надрывно хотелось закричать: «Нет!».

Она никогда не будет готова...

– Давай, я тебя отвезу.

Слова брата не могли не вызвать улыбку у Ириды.

– Ты не умеешь управлять айростеном.

– На автопилоте смогу.

– Не надо, Стас. Я сама. Ты мне лучше скажи адрес Славинского.

Стас, поморщившись, продиктовал адрес элитного поселка, который располагался за городом. Он не хотел отпускать сестру одну, хотя и понимал, что другого варианта попросту не существует. Говорил себе, что она летит к человеку, которого он знал на протяжении многих лет, и тотчас насмешливый голос выдавал ему: а так ли уж хорошо ты знаешь Богдана? Особенно в свете последних событий и того, что он узнал о Латунии.

Ирида улыбнулась и негромко сказала:

– Стас, интересно, кто из нас сейчас больше нервничает – ты или я? И почему ты переживаешь? Ты же не скрывал, что хотел, чтобы я и Славинский образовали пару.

– Хотел. Но не так.

Ирида пожала плечами и глухо отозвалась:

– Ничего не поделаешь.

Она подошла, чмокнула брата в щеку и направилась к входной двери. Обула ботинки на невысоком каблучке и вышла. Шла по коридору с прямой спиной, заставляя себя постоянно быть сдержанной и сосредоточенной. Нельзя расслабляться ни на секунду. Сейчас ей очень важно мобилизовать все внутренние ресурсы, которые ещё остались в её израненной и по-прежнему кровоточащей душе.

Ирида не знала, что именно будет говорить Богдану. Страшилась даже представить, какими словами он её встретит, и как они будут вести диалог. Она ненароком вспомнила лицо Славинского в тот злополучный вечер у клуба, когда ответила ему отказом. Тогда всё было по-другому. Тогда, несмотря ни на что, ни на какие невзгоды, она была счастлива, и верила, что у неё есть будущее.

У неё оно и сейчас было, просто надо немного оклематься от трагедии с Киrom. Трудно, сложно, необходимо.

Айростен завелся без проблем. Хотя бы одной заботой меньше. Ирида вбила адрес Богдана и невольно отметила, что у неё дрожат руки. Понятное дело, она летит в логово зверя.

Было страшно. Очень. И тоскливо. В купе эти две эмоции выворачивали душу Ириды наизнанку, и непонятно, как девушка ещё держалась. Но она выдержит... справится... она должна.

Пока айростен передвигался по небу, Ирида то и дело поглядывала на часы. Вроде бы успевает. Ей не хотелось опоздать, а тем более постучаться в дверь пустого коттеджа.

Элитный поселок встретил её тишиной и пустыми прогулочными дорожками. Коттеджи располагались друг от друга на приличном расстоянии, и между ними возводилась голографическая стена, пейзаж которой каждый подбирает себе индивидуально. Нет огромного забора, но соседи не видят, что происходит у другого. Практично.

Ирида опустила айростен на небольшую площадку перед коттеджем и осторожно ступила на идеально чистую дорожку.

Вот и все. Назад пути нет.

Передернув плечами, Ирида направилась к двери. Было холодно, но не от непогоды. Холод шёл изнутри. Сковывал движения, замораживал кровь. Покалывал кончики пальцев на руках.

Всё хорошо... Она должна это сделать, прийти к Богдану. Ради себя. Она это делает ради себя. Чтобы иметь возможность жить.

Если бы только Ирида знала, до какой степени она права.

Ирида, сжав губы и затолкав все эмоции куда подальше, подняла руку и нажала на дерф. Потянулись бесконечные секунды ожидания. Умом Ирида понимала, что Богдан не сидит и не ждет её, занимается своими делами, но ей всё казалось, что ответа нет очень долго.

И поэтому, когда высокие панорамные двери плавно разъехались в стороны, безмолвно приглашая её войти, Ирида вздрогнула.

Он ей не удосужился даже ответить... лично пригласить... недостойна?

Облизнув пересохшие губы и чувствуя во рту горечь, Ирида вошла. И тотчас дверь так же бесшумно захлопнулась за ней, запирая ее в его личном пространстве.

Ирида сглотнула и огляделась. Мужской минимализм чувствовался в обстановке – минимум мебели, диван, несколько кресел, пара картин на холодных бежевых стенах. Широкая мраморная лестница. Высокие проемы без дверей, ведущие в другие комнаты. Белоснежный большой ковер, занимающий практически всю площадь холла.

– Второй этаж, третья дверь слева от лестницы.

Голос Богдана, раздавшийся из динамика, заставил Ириду едва ли не подскочить и не схватиться за сердце. Она ожидала его увидеть, если не в гостиной, то выходящим из смежных комнат.

Ошиблась.

Ей с порога показали, что на особое расположение хозяина она может не рассчитывать. Сразу дали понять, что её приходу не особо-то и рады. В области груди медленно завязывался тугой узел страха, неуверенности и ещё чего-то непонятного, но очень сильного, давящего. Как следствие, возникло безумное желание развернуться и сбежать, залить айростен топливом, весь бак и улететь, сбежать ото всех. Только вот куда она сможет улететь? К кому? Глупая мысль, продиктованная загнанностью в ловушку.

Второй этаж, так второй этаж.

Больше не осматриваясь, Ирида начала подниматься по ступеням. Холод никуда не делся, и она сильнее натянула кардиган на грудь, словно он мог её защитить от предстоящего унижения. Ирида старалась не думать о том, что ей произойдет через несколько минут. Если бы

задумается хотя бы на секунду, то смалодушничает, улетит домой, и тогда её судьба уже не будет зависеть от неё.

Ступенька... ещё одна и ещё... Вот и второй этаж. Так, теперь третья дверь слева.

Из невидимых динамиков доносилась тихая мелодичная музыка. Классика. Интересный вкус у хозяина дома. Это Ирида отметила машинально.

На подсознательном уровне Ирида ожидала, что третья дверь приведет её в спальню. Чтобы окончательно раздавить её морально. И никак не ожидала, что окажется в просторном, светлом тренажерном зале.

Её взгляд настороженно скользнул по тренажерам, по гилям, по гантелям и остановился на «груше», с которой работал Богдан. Полуобнаженный, в одних тренировочных шортах, обтягивающих его ягодички, он методично наносил удары по снаряду, чередуя выпады ногами и руками. Ирида замерла. Она не была поклонницей спорта и лишь иногда посещала фитнес-клубы за компанию со Стасом, когда тот, поддавшись меланхоличному настроению, вытаскивал её с собой. Ей приходилось видеть мужчин, проводивших в залах большую часть суток, зарабатывающих себе на жизнь своим телом. Красивые, накаченные, привлекающие внимание. Они у неё вызывали эстетическое удовлетворение, когда она смотрела на их тела. Не более. Никакой дрожи в теле, ни желания подойти и потрогать. Да и сам Стас у неё отличался неплохим телосложением, так что она привыкла к красивым мужским телам.

Но то, что она испытала, увидев полуголого Славинского, не шло с этим ни в какие сравнения. Его движения... его удары... Отточенные, жестокие, каждый раз попадавшие в цель. Они вызывали внутреннюю дрожь, более того, они гипнотизировали. Его тело действовало, как единый слаженный организм. Ни одного лишнего движения, без суеты. Крупное тело поблескивало от капель пота, мышцы на спине играли при каждом движении, демонстрируя внутреннюю мощь хозяина.

У Ирины, глядя на Богдана, возникла лишь одна ассоциация: «Хищник». Дикий, необузданный, который умеет выживать при любых ситуациях. Который использует свое тело не для глянцевого красота и не для того, чтобы заработать на нем. Он его использует для борьбы – яростной, сильной, одержимой. И шрамы, бледные, говорящие о давности их получения, пересекали его спину и живот, задевали руки. Ирида никогда не видела ТАКИХ шрамов и в таком ужасающем, поражающем количестве. Сейчас, в их век, многие избавлялись от шрамов за считанные минуты. Последние разработки в медицине и косметологии позволяли быстро и безболезненно приводить тело в порядок. Ни шрамов, ни рубцов, ни ожогов. Идеально красивая кожа. А тут... У Ириды засосало под ложечкой. Этот мужчина спокойно относился к своим шрамам, нёс их, как часть себя. Не больше и не меньше.

Только для Ириды они выступили как некий устрашающий элемент. Они показали ещё раз, что никто на Ароме из её близкого окружения и не догадывается, кто такой истинный Богдан Славинский и какие тайны он в себе несет.

Богдан медленно повернул голову в её сторону, перестал боксировать и негромко сказал: – Говори.

Одно лишь слово. И холодный взгляд, остановившийся на её лице. Взгляд, которым он никогда ранее её не наделял. Да, Ирида свыклась с его пристальными, будоражащими душу взглядами. Они были разными: внимательными, ироничными, по большому счету добрыми, и, с недавнего времени, возбужденными. Но никогда равнодушными, точно ты пустое место и оторвала его от очень важного занятия. Например, от тренировки.

Ирида замаялась. Вот так сразу? Без предисловия? А, какое, собственно, предисловие он должен ей был предоставить?

Сейчас перед ней стоял не друг семьи. Не человек, приходящий им на помощь много раз. Не молодой человек, дарившей ей конфеты и игрушки.

Сейчас перед ней стоял оскорбленный мужчина!

И, Небо, как же трудно было начать говорить!

Но надо.

– Богдан... – пауза. И снова равнодушный взгляд. Правда, теперь Богдан к ней повернулся полностью, скрестив руки на груди и расставив плечи. Ирида приказала себе не смотреть на его накаченное тело, прошедшее множество физических испытаний, которое сильно её нервировало. – Ты же знаешь, что случилось с Киrom...

– Знаю, – ещё более холодный тон, от которого по спине побежали мурашки.

Следующую фразу произнести было ещё труднее. Слова пришлось выталкивать из себя.

– А у меня скоро день рождения...

– Я это тоже знаю. Каждый год дарил тебе подарки.

От внутреннего напряжения и от стресса, пережитого за последнюю неделю, на глаза навернулись непрошенные слезы. Да, он дарил. Каждый год, кроме последних четырех. Даже когда находился на Латунии, от него приходила посылка. Она не ценила, и его укол был более чем справедлив.

– Спасибо за них, – запоздалая благодарность всё же сорвалась с её губ. Сплетя пальцы и теребя кольцо Кира, которое она продолжала носить, Ирида негромко сказала: – Богдан... Я всё понимаю... Я тебе отказала, не приняла твою метку... Но сейчас...

Циничная усмешка Богдана прервала её и без того несвязную речь.

Она замолчала, напряженно всматриваясь в лицо мужчины, ища в его чертах хоть какую-то мягкость. И не находила.

Перед ней стоял чужой, абсолютно незнакомый Богдан Славинский.

И если раньше она приходила в тихий ужас, то, что испытывала сейчас?

Ирида была рада, что холод не покидал её. Он позволил сохранить остатки самообладания, не дал ей снова впасть в панику и забыть, зачем она сюда пришла.

– А сейчас тебе понадобилась моя метка? Так? – если бы слова умели хлестать, её щеки полыхали бы от их ударов.

Ирида прикрыла глаза и выдохнула:

– Да.

А что она могла ещё сказать? Ходить вокруг да около не имело смысла. Они взрослые люди, и каждый осознавал сложившуюся ситуацию в полной мере.

Ирида перестала дышать в ожидании его ответа. Заламывала руки и мысленно молилась. Пожалуйста... пожалуйста... Она как-нибудь к нему приспособится... прогнется, постарается стать хорошей спутницей жизни, стерпит ласки в постели, и может быть, когда-нибудь она привыкнет к нему и сможет стать хотя бы немного счастливой.

– Нет.

Слово резануло по сердцу и заставило Ириду пошатнуться, резко распахнув глаза.

Он ей отказал. Сказал «нет».

Она летела к нему, не подготовив заранее слов для разговоров, считая, что подготовка ни к чему. Важен сам факт её прибытия, что она явилась к нему с повинной, готовая на самопожертвование. И ни разу, ни на мгновение ей и в голову не пришло, что Богдан сможет ей отказать.

Ирида растерянно моргнула, чувствуя, как слабость с новой силой обрушивается на неё свою несокрушимую мощь.

– Нет? – выдохнула она, отказываясь принять его решение.

– Нет.

Сказал спокойно и отвернулся, снова вернувшись к «груше». Удар, удар, ещё один удар. Остервенело, опытно, целенаправленно. Демонстративно показывая, что их разговор окончен, что ей пора уходить.

И Ирида, каменя, покрываясь внутри тонким слоем льда, не видя перед собой ничего, развернулась. Что еще ей оставалось? Только уйти. Не падать же перед Славинским на колени, слезно умоляя поставить свою метку? Она пришла, она попросила. Она сделала всё, что могла.

А дальше...

Дальше – латунец Загар и неизвестность.

Он налетел на неё сзади, припечатал к стене, буквально сшибая с ног. Ирида даже не успела вскрикнуть, прийти в себя. Лишь почувствовала, как сильные руки хватают её за талию и перемещают к стене. Благо успела выставить впереди себя руки, иначе бы лицом впечаталась в стену.

– Значит, мать твою, тебе понадобилась моя метка?

Она не узнала его голос. Злой, наполненный агрессией, он вибрировал, впиваясь в её кожу, опаливая и отравляя. Горячее мужское дыхание обожгло щеку, а сильное тело, потное, терпко пахнущее самцом, прижалось к спине, демонстрируя свою мощь, заключая её в капкан из мышц и мускулов. Ирида задрожала, ещё не до конца осознавая, что попалась. Что добровольно пришла в логово зверя, и теперь он выпустил свою хищную натуру на волю. И не отпустит её...

Она ничего не ответила, да ответа от неё никто и не ждал. Лишь захрипела, подавляя в себе взбрыкнувшие эмоции, сильные, не понятые до конца. Страх вперемешку с чем-то новым, пугающим, проникающим в самую душу.

– И на что ты готова пойти ради этой метки, а, звезда? – Богдан зло оскалился и жадно втянул носом её запах. – Вот на это? Или на это?

Его руки действовали быстро, нетерпеливо. Одно резкое движение – и её платье задрано на талию, а мужское колено бесцеремонно вклинивается между её ног, соприкасается с нижним бельем, едва ли не силой заставляет опуститься тело Ириды на бедро. В каждом движении Богдана чувствовалась злость, ни о какой нежности, деликатности, заботе тут речь не шла. Из его груди вырывались короткие хриплые звуки, то ли сдерживаемое рычание, то ли слишком глубокое дыхание.

Ирида не стремилась вырваться, пресечь его действия. В голове набатом прозвучал его вопрос: «На что ты готова пойти ради метки?». Вопрос был риторическим. И он, и она понимали, что секс между ними – это самое малое, на что Ирида готова была пойти.

Да, она надеялась, что секс будет не сразу...

Да, она надеялась, что Богдан, как всегда, проявит к ней деликатность и терпение...

Да, она надеялась, что у неё будет время подготовиться... День, два.

Но не сразу. И не вот так. Едва ли не расплющивая лицо о стену. Не когда тебе в спину зло дышат, а чужие руки причиняют боль, пусть и легкую. Не когда игнорируют твои желания. Слезы, что плескались в глазах, потекли по щекам. Ирида затаилась, боясь сделать лишнее движение, боясь даже всхлипнуть.

Пусть делает, что хочет...

Теперь он в своем праве...

– Вижу, на многое, – казалось, что злее и агрессивнее говорить было нереально. Ирида ошиблась. Голос Богдана пронзал насквозь, пробирался под кожу и царапал её изнутри, наносил невидимые раны.

Мужчина мстил. Отыгрывался за её отказ. Показывал, насколько больно может быть, когда твои надежды не оправдываются.

Ирида приготовилась терпеть. Закусила губу, не обращая внимания на слёзы. Поудобнее устроила руки, чтобы устоять, не упасть. Хотя упасть ей вряд ли позволят, скорее уж, откинуться на крепкую мужскую грудь. Все мысли в голове Ириды проходили фоном, не задерживаясь и ни за что не цепляясь. Она точно смотрела на всё со стороны.

– Молчишь? – прорычал Богдан, приближая своё лицо к её щеке. – Правильно, звезда, молчи... Потому что сейчас любое твоё слово пойдет тебе во вред! И лучше будь покорна! Стой и позволяй мне тебя трахнуть! Не жди от меня нежности... Я буду тебя именно трахать, как мужик трахает шлюху, имея ее во все дырки!

Зачем он говорил ей эти гадости? Для чего? Чтобы подготовить или отвлечься самому?

Треск рвущихся трусиков раздался одновременно с болезненным укусом в мочку уха. Ириду пробрало, и она с трудом заставила себя подавить содрогание. Это будет слишком... Она на уровне первобытного инстинкта поняла, что если сейчас не уступит, где-то что-то ему не позволит, выкажет словом или жестом, что ей неприятно – Славинский спустит её со второго этажа. Предварительно изнасиловав или нет – вопрос останется открытым. Поэтому она приказала себе стоять и не двигаться.

Чтобы он не делал...

А у Богдана были вполне определенные намерения. И они никак не ассоциировались с занятием любовью.

Траханье – да, верное слово. Единственное, определяющее то действие, что он намеревался осуществить.

Ещё одно резкое движение – и шорты вместе с боксерами спущены вниз. Упругая, большая головка члена соприкоснулась с обнаженными женскими ягодицами.

Ирида крепко зажмурилась, и, казалось, перестала дышать. Происходящее больше походило на нереальность, на извращенную выдумку. Не могла она стоять с обнаженными ягодицами, с задранной юбкой, с мокрым от слез лицом. Не могла она чувствовать член, настойчиво ищущий вход в... Куда??

Ирида распахнула глаза, когда почувствовала, как одной рукой Богдан раздвигает ее ягодицы и находит тугое запретное колечко. Она не успела среагировать, а его палец оказался внутри. Глубоко внутри.

Полустон-полукрик вырвался самопроизвольно.

– Богдан... нет... не надо... только не туда...

Её слова показались жалкими даже ей. Что она могла противопоставить его силе? Да ничего! Она была полностью в его власти, беспомощная и едва ли не распятая.

– Почему же нет? – оскалился Богдан, покусывая нежную кожу её шеи. – Или тебя твой благоверный Кирилл сюда не брал? Не брал... Тугая, чувствую. И знаешь, почему твоя попа для меня привлекательна? Потому что в ней не было ни одного члена! Ни одного! А твою дырочку уже трахали! Не люблю быть вторым!

Давление пальца исчезло, уступив место более крупной головке. Она уперлась в тугое колечко, надавливая, но не проникая вовнутрь.

Вот тут Ирида забилась в истерике. Закричала:

– Нет!

И сделала попытку оттолкнуть Богдана. В Бездну всё! Она не даст себя изнасиловать в попу! Не позволит! Вот так, у стены! Это жестоко... это очень жестоко. Даже для Славинского.

У Богдана было другое мнение. Хрипло рассмеявшись, он ещё сильнее сдавил Ириду, практически обездвигивая её, и сделал пару толчков, пытаясь проникнуть в девственную тесноту. Ирида завывала раненым зверьком, изловчившись, втиснула руку между их телами и попыталась разъединить его член со своей плотью.

– Не нравится, звезда? – едва ли не удовлетворенно промурлыкал Богдан, и это мурлыканье было звериным, хищным. А она была пойманной жертвой, которую никто не собирался отпускать, не наигравшись. – Не нравится... Вижу. Чувствую. Вот и мне не нравилось, что ты трахалась со своим Истовым! Скажи, на хрена? Неужели он был такой охрененный любовник, что ты не устояла перед ним? Что он с тобой делал? Как ласкал? Давай, поделись со мной!

Слезы лились градом, и Ирида их уже не прятала. Всклипнув, дернулась, пытаясь вернуться от настойчивых рук и губ.

– Куда же ты собралась?

Ход был за ним.

И он его сделал.

Чуть подался назад, оставляя место для маневрирования и преодолевая сопротивление её тела, с трудом проникнул в сухое лоно, растягивая неподготовленные мышцы. Из горла Ириды вырвался не то выдох облегчения, что ей удалось избежать анального контакта, не то горечь поражения, что она всё-таки приняла Богдана в себя.

Было больно. Внутри сразу всё загло, отталкивая, не принимая, сопротивляясь. Не в силах устоять на ногах, Ирида откинулась назад, на грудь мужчины.

Богдан, издавая рычащие звуки, надрывно хрипя, не дав ей ни секунды адаптироваться к себе, начал яростно двигаться, насаживая девичье тело на себя. Ириде пришлось до крови закусить губу, чтобы надрывно не закричать.

Она выдержит...

Выдержит...

Богдан мучил её недолго, кончил после нескольких толчков, излившись вовнутрь, одновременно запустив руку в её растрепавшиеся волосы и оттянув голову Ириды назад:

– Так тебе нужна ещё моя метка?

Сказал жестко, хлестко, давая понять, что ответ нужен сейчас же. Без промедления, именно в тот момент, когда он ещё находится в ней.

Ирида, во рту которой образовалась пустыня, кое-как заставила себя глухо сказать:

– Ты всегда будешь так... жесток?

Это был неправильный ответ – её волосы намотали на сжатый кулак.

– Так нужна или нет?! – уже с откровенной угрозой прорычал Богдан и оскалился. Он был страшен в своей яростной страсти, в своем праве взять женское тело, которое неумело, но всё же ему предложили. Сейчас он мстил, отыгрывался за её отказ, вымещал на ней злость. Взял остервенело, утоляя плотскую похоть, не заботясь ни об Ириде, ни о её чувствах, ни о её теле.

Ирида, проклиная себя, мир Арома, своё малодушие, прошептала:

– Нужна.

Выбора у неё не было. К тому же, Богдан уже взял её. Она ему позволила...

Ведь позволила. Могла бы истошно закричать, начать сопротивляться, показать, что она против, что не допустит насилия над собой, а если и допустит, то это именно будет насилие в его истинном свете, без прикрас.

А что было сейчас между ними – непонятно.

Богдан замер, перестал дышать. Ирида это почувствовала и краем сознания удивилась. С чего бы это? Неужели он волновался в ожидании её ответа? Какая глупость... Всё уже сделано. Она пришла к нему, он её взял. Теперь на ней его запах, способный перебить запахи другого мужчины. И каждый, кто хотя бы раз имел дело со Славинским, узнает его запах и постарается пресечь любые желания в отношении Ириды на корню. Слишком опасно.

И всё же что-то колыхнулось в душе Ириды, что-то робкое, оставшееся от той наивной влюбленной девочки, которой она была ещё несколько недель назад. То светлое, что невозможно уничтожить в один день, дающее надежду на счастливое будущее.

Богдан Славинский не так холоден, как пытается показать.

– Тогда пошли.

Он уже более аккуратно поставил её на ноги, даже подстраховал, когда она покачнулась. Уверенная рука легла на талию.

– Куда? – шепотом спросила Ирида, с трудом возвращаясь к реальности. Смотреть на Богдана она пока не могла. Не хотела снова видеть его темно-синие глаза, которые теперь ей будут ещё чаще сниться в кошмарных снах.

– В кабинет. В спортзале нет стилета.

Ирида слотнула. Вот и всё... Сейчас он поставит ей метку, и она будет с ним связана на всю жизнь. Сердце облилось кровью, завывало, застонало. Душевная боль присоединилась к физической.

– Мне бы в ванную, – просить было стыдно, но Ирида не могла идти, чувствуя, как его сперма вытекает из неё.

Богдан понял её без лишних слов, подхватил с ближайшего тренажера полотенце, которое очень оказалось кстати.

– Давай так.

Без сантиментов. Без излишних нежностей.

Краснея и по-прежнему стесняясь его, Ирида взяла полотенце, промокнула у себя между ног и с сожалением посмотрела на разорванные трусики, которые все еще болтались на одной ноге. Нагнулась и сняла их, зажала в кулаке, не зная, куда деть.

Богдан снова понял её и протянул раскрытую ладонь.

Ирида медленно, очень медленно протянула ему белые трусики.

Он их взял и... поднёс к носу, вдохнул её интимный терпкий аромат.

У Ириды от изумления распахнулись глаза, а Богдан, заметив её реакцию, цинично усмехнулся:

– Тебе со мной придется быстро распрощаться со стыдливостью. На щепетильное отношение не рассчитывай. Пошли.

Пришлось идти. У Ириды от слабости закружилась голова, она ещё до конца не осознавала происходящее. Всё воспринималось как в тумане, словно это и не она была. Осознание придет позже, намного позже.

При ходьбе между ног саднило, Ирида поморщилась. Естественно, жаловаться и высказывать претензии она не стала. Богдан оставил её вопрос без ответа, намеренно. Что ж... Поживем-увидим, какой он на самом деле, Богдан Славинский.

Кабинет находился через дверь от тренажерного зала. Ирида прошла следом за Богданом, не замечая интерьера. Не до него было.

Мужчина прошёл к большому черному деревянному столу и взял стилет, лежавший рядом с запечатанными конвертами и стопкой бумаги.

– Иди сюда.

Ирида не сразу уловила изменение в голосе, из которого ушла холодность и безразличие. Нет, он не стал снова мягким и волнующим. Богдан говорил ровно, без особых эмоций, но для него в данной ситуации и это было большим послаблением.

Видеть её...

В своем доме...

Иметь её...

Насаживая на себя...

Трудно. Невыносимо. Желанно. На грани дозволенного. Выворачивая себе душу и коверкая свою сущность.

Но ему это разве впервой?

Не так должно всё было происходить. Не так.

Ирида шла медленно, с усилием передвигая ноги и сжимая их. Несколько раз чуть заметно поморщилась. Он видел и замечал всё, впрочем, как всегда.

Когда она подошла к столу, Богдан, больше ничего не говоря, сделал надрез на левой руке в нескольких сантиметрах от локтевого сгиба. После чего встретившись с испуганным,

непонимающим, едва ли не затравленным взглядом Ириды, повернул её к себе спиной, крепко прижал и надавил острием стилета на кожу чуть выше ключицы. Её кровь выступила сразу же после его.

Действовать надо было быстро, и оба об этом знали. И сжимая горло Ириды, сдавливая его захватом локтя, он соединил их кровь, связывая их судьбы воедино. Послышалось шипение, какое бывает, когда к коже прикладывают металл. После чего Богдан отодвинул Ириду от себя и, откинув её белокурые волосы за спину, чуть склонил голову девушки, желая посмотреть на свою работу.

Повыше ключицы, на видном месте, красовалась его метка. Буква «Б» выписанная вензелями, живая татуировка, созданная самой природой.

– Мне нравится, – Богдан усмехнулся, а Ирида, снова покачнувшись, ухватилась за край стола.

Место нанесения метки жгло. Но Ирида знала, что крови больше нет. Её кровь, соединенная с его, выжгла на её теле вот такое незамысловатое клеймо, которое в их мире принято называть меткой. Теперь она больше не принадлежала самой себе. В век покорения космических пространств, новейших технологий, развитых отношений с другими, отличными от них, расами, женщина всё так же оставалась в тени мужчины, от которого вынуждена зависеть до конца жизни. Причудливая прихоть Судьбы. Не Ириде решать хорошо ли устроен их мир или плохо. Метка – защита женщины. Раньше – непонятно было от кого, но, наверное, и в далекие времена было логическое основание, сейчас – от латунцев.

– Я пить хочу, – глухо прошептала Ирида.

Всё, сил больше не было. Никаких. Её выжали, выжгли изнутри.

Богдан, бросив на неё быстрый взгляд темно-синих глаз, значение которого она даже не пыталась понять, налил воды из графина, стоящего на окне.

– Тебе плохо?

Ирида едва не рассмеялась, услышав от него этот вопрос. Уж не забота ли там сквозила, Богдан Славинский? А?

– Да, мне плохо, – Ирида не стала лукавить. Приняла стакан, жадно выпила воду и вернула пустой Богдану. Посмотрела на мужчину и негромко добавила: – Что мне делать дальше? Я могу вернуться в дом Стаса за одеждой или...

Она не договорила, оборвала себя.

Стояла с повисшими вдоль тела руками и ждала, что ей ответит Богдан.

Теперь он был вправе решать за неё всё.

Глава 2

Богдан её отпустил, сказав, что она может забрать из своей квартиры все дорогие ей вещи. Одежду брать не рекомендовал, они обновят её гардероб. Ириду так и подмывало спросить – по его вкусу? Но промолчала, понимая, что не тот момент, чтобы показывать характер.

Вернувшись домой, Ирида ожидала увидеть в квартире Стаса, но его не было. Стало немного горько, но пройдя на кухню, обнаружила записку: «Срочно вызвали в лабораторию». Ирида покачала головой и сделала приписку: «Я переехала к Богдану». Она была рада, что Стас снова занимается любимым делом, единственное, что смущало, так эта полная секретность. Брат не рассказывал, что за опыты и эксперименты они ставили.

Когда Ирида заходила к себе в отсек, у нее возникло чувство, что она сюда больше никогда не вернется. Глупо, конечно. Только сердцу не прикажешь, и сейчас оно сжималось от тоски и безнадежности. Взгляд девушки невольно остановился на букете Кира, подаренном в день помолвки. Букет давно засох, его пора было выкинуть. А вот глади стояли в первозданном виде, источая слабый, но притягательный аромат. Эти два букета оказали на Ириду странное действие, она подошла к консоли, на которой стоял букет Кира, и села прямо на пол.

– Прости меня, Кир... Прости...

Она не понимала, за что просит прощения. Но эти цветы... Увядавшие цветы Кира и идеально сохранившиеся – Славинского, словно два символа человеческих жизней. Одна искалеченная, другая сильная и здравствующая.

Ирида плакала недолго. Она даже в некоторой степени заставляла себя выплакаться, понимая, что в доме Богдана слезы приветствоваться не будут. А ей следовало поплакать, попрощаться с прошлым. И с Киrom тоже.

Было бы наивно полагать, что она в один час забудет Кира. Нет, такое не произойдет. Ирида знала, что ей лучше подавить в себе те чувства, что она испытывала к Киру, ту нежную романтическую влюбленность. Потому что если она её сохранит в сердце, то по ней пройдет Славинский. Вот в чем, в чем, а в этом она не сомневалась. И его слова, произнесенные у клуба, что он ни разу её не попрекнет Киrom, можно стереть из памяти. Да и вообще всё, что было ранее, до её отказа, надо забыть.

Теперь у Богдана к ней иное отношение. Злое, агрессивное, собственническое. Она нанесла ему оскорбление, отказав. У клуба ей было всё равно, она не страшилась его гнева. Думала, что вскоре будет находиться под защитой семьи Истовых. А вон как всё повернулось. И на сто восемьдесят градусов изменилось к ней отношение Славинского. Будет ли он и дальше мстить, теща своё оскорбленное эго? Или ограничится сегодняшним наказанием? Ирида сомневалась. И от того, что ей ещё предстояло с ним пережить, внутренности Ириды скручивало в тугий узел, заставляя содрогаться. Фантазия у Славинского богатая, и он вполне может заставить её пройти все круги ада.

Выплакавшись и оставив прошлое в своем спальном отсеке, Ирида начала собирать вещи. Всё-таки она решила кое-что захватить из своего гардероба. Были вещицы, с которыми она не желала расставаться. Взяла фотографии родителей, подарки, которые они ей дарили. Взгляд Ириды снова упал на глади. Ей надо как-то приспособиться к Богдану, почему бы не начать с этого букета? Взяла и его. Пусть подумает, что он ей дорог. Она его не выбросила по причине дороговизны, не привыкла Ирида разбрасываться крупными суммами. Букет радовал глаз, а кто его подарил... Такая уж это великая значимость?

В последний раз оглядев комнату, Ирида нажала на кнопку, запускающую механизм закрытия двери.

Всё. Пора возвращаться в дом Богдана.

* * *

– С каких пор латунцы умеют управлять метеоритами?

Этот вопрос Богдан задал Загару несколько дней назад. Тот равнодушно пожал огромными плечами и нагло усмехнулся.

– Тебе ли, брат, не знать, что латунцы хранят много секретов.

– И всё же...

– Мы не управляем метеоритами, но способны изменить силу притяжения и направить неуправляемое небесное тело в нужном нам направлении. Такой ответ тебя устроит?

Богдан кивнул.

– Вполне.

Когда Загар несколько недель назад пришёл к нему с предложением, Богдан выслушал его очень внимательно. Знал – кровный брат плохого не предложит. Богдана невероятно задевал интерес Загара к Ириде, и в те дни он не мог определить – на самом ли деле Загар заинтересован в его девочке или делает вид. Богдан не сомневался, Загар, увидев её первый раз в «Неоне» за стойкой, проявил чисто мужской интерес, и если бы он не вмешался, то быть Ириде под Загаром. Загар смел бы всех к чертям собачьим, и притормозил он лишь по одной причине – понял, что она ЕГО, Богдана. Ни один латунец, стоящий во главе рода, не пойдет против своего. А Богдан был причастен к роду Загара.

Те воспоминания для него были тяжелыми. Всё-таки он тогда был ребенком и мало что понимал. Но, как ни странно, помнил себя едва ли не с младенчества, с года так точно. Особенности крови латунцев. На Ароме не знали, для чего латунцы забирают детей. И вряд ли когда-то узнают.

Латунцы не зря считались одной из самых сильных рас в галактике. Они были не просто воинами-завоевателями, природа наделила их и многими другими способностями. Телекинез, гипноз, экстрасенсорика и много-много другое. Больше всех Богдану нравилась способность блокировать распространение информации.

Стас на днях испытал на себе данную особенность, когда ему, наконец-то, рассказали про истинные мотивы экспериментов.

– Ты будешь владеть информацией, которую тебе сейчас предоставят, но никогда ни при каких обстоятельствах, без моего разрешения, не сможешь передавать ее ни устно, ни письменно, ни ментально, – фраза, доступная только главам рода.

У Стаса забавно округлились глаза, он и помыслить не мог, что подобное возможно. Богдан стоял, скрестив руки на груди. Друг, с латунцами и не такое возможно. Ему ли не знать.

Первый раз Богдану сделали переливание крови в два года. До этого проводили медицинские исследования, смотрели и изучали, как развивается детский организм и выдержит ли он изменения. Выживет, так правильнее. Несколько десятилетий подобные анализы не делали, и многие дети умирали. Отсюда возникла первая, надо сказать, небезосновательная страшилка про Латунию и эшелонцев. Не все родители готовы были окончательно отказаться от своих мальчиков. Они же видели, что многие эшелонцы возвращаются, а кто-то и нет... Возник страх – а вдруг твой сын никогда больше не прилетит на Аром? С Богданом было проще. Его мать не особо переживала, увидит она своего сына или нет. Отдала латунцам без особого колебания. Об этом Богдан узнал позже, но всё же узнал.

Латунцы изменили политику в отношении мальчиков с Арома. И переливание крови стали делать только тем, у кого были высокие оценки жизнеспособности.

У Богдана они оказались выше всех. Ирония судьбы? Или нечто большее?

У тех, кто выдерживал несколько переливаний, резко повышались физические способности, плюс образовывался иммунитет к некоторым формам ментального воздействия. Для латунцев это был незначительный результат. Воинов средней формы и среди своих хватало.

Они искали исключительного ребенка.

И нашли...

Богдан скривился. Только что будет дальше? А то, что продолжение последует, сомневаться не приходилось. У латунцев и их колоний не было выбора.

Сам Богдан для них оказался первой удачей, но ни в коем случае не следовало останавливаться. Он даже думал принять участие в эксперименте. С Иридой.

Ирида...

Белокурый ангелочек с забавными косичками. Именно такой он увидел её много лет назад. Она пряталась за спину матери и стеснялась нового друга брата. Выглядывала из-за спины и смущенно хихикала. Богдан помнил, как застыл, словно громом пораженный. А ведь его предупреждали... Старшие товарищи, в число которых входил и Загар. Что ТАКОЕ среди их расы бывает. А он стал частью Латунии. Привязка к существу противоположного пола случалась, но очень редко, об этом говорили с завидной долей иронии. Потому что для самих латунцев привязка могла означать одновременно осуществившуюся мечту и нескончаемый кошмар.

В его случае было немного полегче. Он стал латунцем не по рождению. Но насколько легче? Это ещё предстояло выяснить.

От воспоминаний об Ириде свело зубы, руки самопроизвольно сжались в кулаки.

Вот он её и получил...

Только какой ценой? Для неё и для себя?

Когда она ему отказала в тот долбаный вечер у клуба, где они с парнями отдыхали в вип-кабинке, он чудом удержался и не свернул её очаровательную шейку. Чернота накрыла его с головой. Жажда убийства одолела с невыносимой силой. Ему необходимо было кому-то сделать больно... И желательно ей. Но ей бы он не смог... Как не смог сегодня. Поэтому, захватив с собой Загара, он направился в Зону Отчуждения. Богдану необходимо было выплеснуть эмоции, иначе могла случиться беда. И он их выплескивал... Бурно и активно. Они с Загаром устроили настоящую охоту, предварительно сверив базу данных. Приземлились посередине одного квартала, где очень не жаловали чужаков. После их посещения Зоны Отчуждения одной сплетней о латунцах стало больше.

Богдан знал – Ирида придет к нему. Никуда она не денется. Обстоятельства загнали его девочку в угол. Видит Небо, он не хотел, чтобы она проходила через боль. Однако... За одним человеком остался должок. Именно ему было поручено присматривать за ней и не подпускать к ней кобелей! Ничего, придет время, и он с него спросит. Сейчас не до этого. Спросит за свою злость, за свое разочарование, за свою ярость. За то, что Ирида пришла к нему не девственницей, за то, мать вашу, что в её лоне побывал другой мужик и что именно ему она шептала: «Люблю»! А Ирида шептала. В этом Богдан не сомневался, и понимание того, что его девочка любит другого, выворачивало душу наизнанку, пробуждало в нем глубинную тьму, рождающую чудовищ, что не снились даже Бездне. И эти чудовища требовали мщения.

Тщательно подавляемая ярость продолжала бушевать в груди. Богдан давно научился контролировать эмоции и не боялся, что может навредить Ириде физически. О, нет! У него были иные планы в отношении своей девочки! Совсем иные. Более сладкие, более будоражащие. А то, что ей не нужны его чувства...

Красивое лицо Богдана превратилось в холодную маску. Отданный матерью на откуп, неожиданный, возвращенный людьми другой расы, он полюбил и готов был бросить к ногам любимой женщины все доступные миры и их блага. Но она сказала: «Нет». Что ж... Каждый делает свой выбор.

Он тоже сделал.

* * *

Она задерживалась.

Богдан стоял у окна и смотрел, как на город опускается ночь.

От его дома до дома Стаса, было пятнадцать минут полёта. Назад, соответственно, тоже. После того, как Ирида покинула его дом, прошло более четырех часов. Четыре долбанных часа, наполненных ожиданием и злостью. Мысли, что вспыхивали в голове, не позволяли сосредоточиться ни на чем, кроме ожидания.

Где она... Почему так долго... Что-то случилось? Сломался айростен? А если в воздухе? Сами по себе айростены были безопасными, и лишь изредка их система управления выходила из строя. И это «изредка» конкретно напрягало Богдана. Идиот! Он же знал, что у Ириды айростен периодически выходит из строя, да и Стас жаловался. Неужели нельзя было тому же Стасу подогнать другой айростен? Сейчас бы не прислушивался к сводкам патрульных эшелонцев, выуживая информацию про чрезвычайные происшествия на дороге.

И ещё... Если бы Богдан не знал, что Кира нет на Ароме, он бы не сомневался, что Ирида полетела с ним проститься. Это было так по-женски. Так жертвенно, черт побери. Богдан прикрыл глаза, сжимая руки в кулаки. Киру сейчас не до Ириды, если парень и придет в себя, то первое время будет занят восстановлением, а когда окрепнет... Ириду ему не видать. Никогда. Пусть лучше найдет себе другую девушку и не попадается ему на глаза. Второй раз Богдан не будет так добр, и не сохранит ему жизнь. Если у парня нет мозгов, что ж, значит, так такому и быть. И в этом случае Богдану будет уже плевать, что Ирида, узнав, о его причастности к происшествию с Киrom, возненавидит его до конца дней своих.

Ему бы сейчас разобраться, что делать дальше.

И где искать Ириду.

Кроваво-красная Луна освещала небо, водитель не собьется с пути, но ему ли не знать, как Луна может повлиять на сознание человека? А что говорить про технику. Одна вспышка, незаметная человеческому глазу, и большинство систем дает сбой, а у водителя резко повышается внутричерепное давление.

Богдану не нравилось, что Луна становилась с каждым днем всё более красной. Он знал статистику. Кроваво-красная Луна появлялась над Аромом каждые сорок-пятьдесят лет и несла с собой климатические изменения. Небольшие. Сейчас же она набирала красноту и силу слишком быстро, что не могло не настораживать.

Где же Ирида...

Он начинал сожалеть, что отпустил её. Не хрен было вообще из дома выпускать! Запереть в комнате, пока не привыкнет к нему. А если девчонка решила взбрыкнуть? Метку он ей поставил, дал защиту от других мужчин, есть ли вероятность, что она сбежит?

Богдан быстро прикинул в голове, способна ли Ирида на столь отчаянный поступок. По сути, он загнал её в угол. Люди в чрезвычайных ситуациях способны на многое.

Проклятье!

Он готов был уже сорваться с места и вылететь на её поиски, предварительно перекрыв воздушное пространство, когда увидел старенький айростен, приземляющийся на площадке перед его коттеджем. Не заметил, как воздух с характерным шипением выплеснулся из груди через слишком плотно сжатые губы.

Прилетела...

Богдан, чуть прищурив глаза, наблюдал, как открывается дверь айростена и показывается Ирида. Осторожно спускается на землю, поворачивается к нему спиной, нагибается... Жадный

взгляд улавливал каждое её движение. Присваивал себе. Да... Теперь она вся его! Вся! Её мысли, чувства, тело, желания. ЕГО!

Собственник заговорил в нем отчетливее, пробуждая желание выйти и прямо там, на площадке, подмять её под себя. Прижать к холодной машине, задрать подол платья и снова отыметь её. И по хрену, что их кто-то увидит! Для Богдана одной своей метки на ней было мало! Ему хотелось, чтобы все знали, что она отныне принадлежит ему! Что не стоит к ней приближаться... Что каждый, кто нарушит условное пространство вокруг неё, будет иметь дело с ним! И ему будет откровенно плевать на объяснения того несчастного!

В свете Луны Ирида казалась ещё миниатюрнее. Маленькая фея, лишившая его покоя раз и навсегда, выдернувшая из его души само понятие спокойствия. Знала ли она, какую власть имеет над ним? Догадывалась ли, какие демоны просыпаются в нем при виде неё?

Вряд ли.

И самым ужасающим в их истории было то, что его личные демоны – его страсть, его ревность, его собственнические инстинкты, его потребность в её отклике – будут только расти, толкая его на безумные поступки. Она нужна была ему вся. Её мысли, чувства, эмоции.

Её тело.

Её сердце.

* * *

На этот раз Славинский её встречал. Как только створки двери плавно разъехались в стороны, он вышел навстречу ей. Переодевшись в домашние черные брюки и белую майку, он выглядел не менее устрашающе, чем в одних шортах. Небеса, да какая разница, в чем был одет Славинский? На нем любая одежда выглядела «слишком» по мнению Ириды.

Ничего не изменилось в её восприятии Богдана. Даже стало хуже.

Если раньше она знала, что общение со Славинским временное неудобство, то теперь они будут проживать в одном доме. И с сегодняшнего дня она обязана следовать за ним повсюду. Куда он – туда и она.

Ирида старалась идти спокойно, не показывая нервозности. Она катила за собой небольшой серый чемоданчик, и шуршание его колес по асфальтированной дорожке казалось оглушающим.

Луна... Незнакомый дом... Чужой мужчина...

Давило всё.

Особенно мужчина.

Богдан подошёл к ней и перехватил ручку чемодана.

– Плакала?

Взгляд темно-синих глаз придирчиво осмотрел её лицо.

– Да.

К чему скрывать очевидные вещи? За прошедшие четыре часа Ирида не стала выглядеть лучше. На этот раз она даже не пыталась привести лицо в порядок. Что это было с её стороны? Актом протеста или маленькой женской мстью? Мол, пусть видит её во всей красе? Скорее уж проявлением неких детских порывов, которые ещё продолжали жить в её душе.

Богдан нахмурился и жестко сказал:

– Впредь постарайся обойтись без слез.

С губ Ириды едва не сорвался колкий ответ, она вовремя прикусила язычок. Не в том положении, чтобы язвить. Лучше промолчать.

Она наклонила голову вперед, не желая видеть его лицо, на которое Луна отбрасывала причудливые тени, и которое казалось ещё более суровым, чем было на самом деле. Ирида

понимала, что накручивает себя, что сейчас ей всё видится в преувеличенном свете, но ничего не могла с собой поделать. И не хотела.

Богдан, если и заметил её реакцию, а он, наверняка, заметил, то никак не прокомментировал, без лишних замечаний двинулся к двери. Ирида пошла за ним.

Чувствовала она себя крайне напряженно, не зная, что говорить и как вести себя далее. Когда прилетала сюда несколько часов назад, она хотя бы имела понятие, чего хочет. Сейчас же в её голове и душе была пустота. Лишь отголоски сердечной боли напоминали ей, что она жива, что необходимо переждать, пережить, собраться с силами и двигаться дальше.

По периметру гостиной горели точечные светильники, создавая интимную атмосферу. Центральный свет был приглушен. Теперь, оказавшись в доме Богдана ночью, Ирида всё воспринимала иначе. И атмосферу и обстановку.

Ирида замялась в дверях.

– Не нравится то, что видишь? – глухой голос Богдана, раздавшийся за спиной слишком близко, заставил вздрогнуть. И сразу же следом последовало приглушенное ругательство на незнакомом языке.

– Ты... о чем? – она до сих пор в его присутствии тушевалась. И не понятно, когда привыкнет. Да и привыкнет ли вообще...

– Интерьер. Если тебе что-то не нравится, смело можешь переделать. Хотя, скажу сразу, дом я не выбирал. Мне его выделили вместе с существующим ныне дизайном. Все, что тебе не по душе – измени.

Вот так запросто. Широкий жест.

Ирида медленно кивнула.

– Хорошо.

Её слова были скупы. Не только интерьер воспринимался иначе. Но и мужчина, стоящий позади, тоже.

В квартире вместе со слезами осталось её прошлое и та скорлупа несчастной невесты, в которую она себя добровольно погрузила после трагедии с Кириллом. Слезы заставили её пробудиться, и сейчас, оглядываясь назад, на свой первый приход в дом Богдана, Ирида понимала, что действовала на уровне инстинктов, наиглавнейший из которых заключался в спасении собственной жизни, в приспособливании к меняющимся условиям. Она действовала порывисто, бросилась с головой в омут. Всё что угодно, лишь бы парная метка появилась над ключицей.

А что теперь? Что?

Что делать? Говорить? Как вести себя?

Голова гудела от вопросов, на которые не было ответов.

И Богдан не спешил выходить из тени. Стоял за спиной, тяжело дыша. Она слышала его рваное дыхание и боялась даже предположить, чем оно вызвано.

Если он сейчас до неё дотронется...

Имеет право...

Нагнуть...

Взять...

Заставить сделать минет...

Он имеет право на всё.

Её спасла собственная физиология. В тишине, наступившей после сумбурного обмена парой фраз, отчетливо прозвучало ворчание пустого желудка.

– Ты голодная? – Богдан мгновенно материализовался перед Иридой. Брови нахмурены, взгляд озадаченный, немного сердитый.

Ирида смущенно пожала плечами.

– Наверное, да.

– На кухню. Живо.

И указал кивком головы, куда именно ей следует идти.

Второй раз Ириде говорить не пришлось. Она поспешила на кухню, надеясь, что он провозится с её чемоданом некоторое время, и у неё будет пусть маленькая, но передышка.

Всё происходило слишком стремительно.

Кухня была большой. Выполненная в серо-коричневых тонах, она являлась продолжением сдержанного минимализма, присущего гостиной. Вдоль одной стены расположились встроенные шкафы, посреди комнаты стоял большой квадратный стеклянный стол, в углу пристроился высокий, под потолок, стеллаж, на данный момент пустой. Несколько домашних мини-роботов стояли рядом со стеллажом, дожидаясь, когда хозяин их включит. Видимо, с последним Богдан не спешил. Ирида и сама с предубеждением относилась к роботам. Машины начинали играть в их жизни слишком большую роль. А ещё она была суеверным человеком и, насмотревшись триллеров про искусственный интеллект, считала, что грань их развития и внедрения в жизнь человека, должна быть ограничена.

Чувствовала себя Ирида неуютно. Оно и понятно – хозяйничать на чужой необжитой кухне не доставляло удовольствия. Ирида не знала, где что находится и чем ей дозволено пользоваться.

Она, осторожно ступая по теплому полу, подошла к шкафам и начала их исследовать. Встроенный холодильник, автоматический подогрев еды, много консервантов и готовой продукции быстрого приготовления. Порадовало наличие мяса и разнообразных фруктов. Огорчило, что нет ничего приготовленного самостоятельно. Скорее всего, Богдан, как и большинство мужчин, проживающих в одиночестве, предпочитал питаться в ресторанах. Ирида знала по Стасу, если она не приготовит обед, он будет весь день хлестать кофе и жевать сухомятку, таская бутерброды. Момент питания брата тоже предстояло продумать, и если Богдан даст ей свободу в передвижении, она намеревалась хотя бы через день наведываться в их квартиру и готовить Стасу.

Достав из холодильника несколько контейнеров с едой, Ирида выложила её на тарелки и поставила разогревать.

Богдана всё не было.

Ирида прикусила нижнюю губу. Ей не понравилась его задержка. С одной стороны, она хотела небольшой передышки, с другой – он что, снова решил её игнорировать, показывая таким образом, что она в его доме лишь в качестве постельной забавы и никакого интереса, как человек, для него не представляет? Ирида понимала, что сейчас, скорее всего, не сможет адекватно оценивать ситуацию и анализировать её. Слишком сильны внутренние метания и неуверенность.

Самым удручающим был факт собственной неуверенности Ириды в себе. Она слишком долго думала про Богдана, как о некой угрозе, подавляющей её личность. Хотя сейчас, оглядываясь назад, она с горечью признавала, что все её страхи были надуманными, они не имели под собой твердой почвы. Она сама выдумала чудовище, которое боялась по ночам. А слухи, что витали вокруг его таинственного исчезновения и дружбы с латунцами, лишь подогревали её фантазию.

Теперь пришло время разгонять страхи. Только как?

Ирида достала овощное рагу и подогретое мясо, поставила тарелки на стол и, обернувшись к дверному проему, замерла.

Богдан стоял, молча наблюдая за ней. Когда он подошёл – она не услышала. И снова у Ириды возникло странное, удручающее чувство, что Богдан пытается разгадать её мысли. Он смотрел на неё, не мигая, и этот взгляд проникал в душу, стремясь вывернуть её наизнанку.

Богдан переоделся в джинсы и свитер, в одной руке он держал куртку.

– Ты... уходишь?

Вопрос сорвался с губ Ириды самопроизвольно.

– Да. Позвонил Загар, моё присутствие требуется в лаборатории, – он мог ничего не говорить, мог просто выйти в дверь и исчезнуть в ночи. Но то ли ощущая легкую вину за недавний грубый секс, то ли не желая оставлять Ириду в одиночестве в так и не ставшем для него родным доме, счел нужным всё-таки сказать, что улетает. – Буду не скоро. Поэтому ешь и ложись спать. Спальня – вторая дверь направо. Поговорим завтра.

Ирида растерянно кивнула, сцепив пальцы в замок. Ей не хотелось оставаться в одиночестве в чужом доме, но выбора у неё не было.

– А Стас... Он тоже будет в лаборатории?

– Да.

Богдан уже собирался уходить, когда Ирида задала интересующий её вопрос:

– Что за опыты вы там проводите?

А вот на этот вопрос ей было рано знать ответ. Ничего не сказав, Богдан отправился к подземной парковке.

Ирида ужинала, не чувствуя вкуса еды. Поела быстро. Убрал за собой посуду, направилась в спальный отсек. От переизбытка эмоций её немного пошатывало, и она решила лечь спать. Завтра предстоит не менее тяжелый день, чем сегодня.

Вошла в отсек и грустно улыбнулась. А чего, собственно, она ожидала? Отдельной спальни? Так не для того Богдан ставил ей метку и дал доступ к своему жилью.

Он поселил её в своем отсеке.

Глава 3

Как только Богдан вошёл в засекреченный отдел «Неона» и увидел срочно прибывшего Мирама, понял – дела плохи.

Мирам был таким же искусственно возвращенным латунцем, как и Богдан. Их отличие заключалось в том, что Мирама в младенчестве привезли с Сидана, планеты, где большую часть материка занимали вулканы, постоянно извергающиеся. Жители Сидана так и не научились справляться с грозной стихией, что в конечном итоге привело к полному уничтожению планеты. Сейчас Сидан представлял собой бурлящую лаву, поглотившую небольшие поселения, которые остались верными планете и не пожелали улетать. Родители Мирами приняли предложение латунцев и, ради блага сына, позволили его забрать.

Одно время латунцы мирным путем пытались установить, жители каких планет имеют с ними генетически схожие коды. Среди наиболее подходящих были аромцы и тигарцы. Если первых покорить и колонизировать не составило большого труда, то жители Тигара сражались по сей день, не желая сдаваться.

Гены Мирама тоже спокойно отреагировали на мутирование, но довольно интересным образом. Он не стал воином, его тело не приобрело физической крепости и выносливости. Зато он перенял некоторые ментальные способности латунцев и посвятил себя изучению планет и погодных условий.

И увидеть его на Ароме Богдан не ожидал.

В кабине помимо Мирама находился Загар и Стас. Последний стоял, скрестив руки на груди, и хмурился.

– Приветствую собравшихся. Что за срочность? – Богдан сразу перешёл к делу.

– Плохие новости, брат мой, – Мирам почтительно склонился, приветствуя его.

– Это я уже понял. А конкретнее?

– Луна, – Мирам достал объемистую пачку исследований с чертежами и разложил их на столе. – Последние пару недель я наблюдал за Красным Восхождением и сделал неутешительные выводы. На Луне наблюдаются вспышки энергии, которые, как ты понимаешь, ей не свойственны. Последний раз подобное наблюдалось, когда Красное Восхождение приблизилось к моему Сидану, что вызвало одновременное извержение всех действующих и спящих вулканов. На Ароме вулканов нет, но уже поступают сигналы о подземных толчках.

– На Ароме никогда не было землетрясений! – фыркнул Стас, отказываясь принимать предупреждение Мирама на веру.

– Значит, будут, – холодно сказал Загар, метнув на Стаса недовольный взгляд.

После того, как Стасу открыли истинные причины пребывания латунцев на Ароме, отношения между Загаром и Стасом заметно напряглись. Последний наотрез отказывался покидать Аром, мотивируя своё решение беспокойством за судьбу сестры. Да и когда Загар насмешливым тоном сообщил, что намеревается подать заявку на Ириду, Стас чудом не вцепился ему в плотку. Пришлось сжать кулаки и отойти в сторону.

При появлении Богдана, Стас ощутимо напрягся, ему не терпелось узнать, как прошёл разговор с Иридой, поставил ли тот метку его сестре. Но ему хватило одного вдоха, чтобы понять, что Ирида была с Богданом. На Славинском отчетливо чувствовался легкий аромат, присущий Ириде.

Вздых облегчения вырвался у Стаса. Значит, с сестрой все будет хорошо. Теперь можно себя посвятить и работе! Да что говорить! Теперь он готов отправиться хоть на самую Латунию!

Загар тоже почувствовал запах Ириды, его ноздри затрепетали, он втянул воздух и довольно улыбнулся. Причем эту улыбку заметили и Стас, и Богдан. Каждый её понял по-своему. А ему-то что? Он свою роль в этой истории сыграл, пришло время двигаться дальше.

– Ты уверен, Мирам? – Богдан посмотрел на разложенную карту. На ней Мирам отмечал вспышки на Луне на протяжении последних двух недель, и если на первом снимке было обозначено две вспышки, то на крайнем наблюдалось не менее двадцати.

– Абсолютно. Поэтому-то я здесь. Ситуация складывается очень серьезная, брат мой. Думаю, у нас есть день-два, не более.

– Хреново.

– Очень.

Богдан посмотрел на Загара.

– Что думаешь по этому поводу?

Тот пожал плечами.

– А что думать? Сворачиваем дела на Ароме и валим к себе. Особого выбора у нас выбора. Завтра быстро объявляем новый набор эшелонцев, к вечеру, чтобы избежать паники, даем информацию властям о предстоящих землетрясениях, чтобы они успели подготовиться и, по возможности, эвакуировать людей на безопасные территории. Если я не ошибаюсь, половина земель на Ароме пустуют. От землетрясения пострадает в первую очередь что? Высотки, сам город. Вот власти пусть и занимаются расселением, пока есть возможность. Гор на Ароме нет, в основном степная местность, если люди не погибнут, восстановятся быстро. При необходимости поможем.

Богдан был согласен с Загаром. Эвакуировать всех нет возможности. На Латунию они их не транспортируют, а другие планеты всех жителей Арома принять не смогут.

Стас выругался.

– Мать вашу, что же вы предлагаете...

Загар резко повернулся к парню и грубо бросил:

– А что ты предлагаешь? Ты, кажется, бычился на меня из-за сестры? Сейчас Ирида пристроена, беспокоиться тебе за неё не надо! Если собираешься играть в героя и спасти государство, которое срать хотело на твою семью, готовилось отправить тебя в Зону Отчуждения, где ты с малолетней сестрой не прожил бы и пару месяцев, пожалуйста, никто мешать тебе не будет! А можешь подумать, поразмыслить и прийти к неутешительному выводу, что правительство Арома зажралось и ведет паразитирующий образ жизни! Не пытается выйти из гнета Латунии, не пытается с нами договориться, улучшить жизнь простых граждан. Им проще откупаться детьми да женщинами! И если бы вы не подходили нам генетически, мы давно бы кинули вас. И, поверь, не прошло бы и десятка лет, как от Арома ничего не осталось! Вас бы растерзали другие расы, и даже не из-за ресурсов, а потому что вы слабые! Не развиваете медицину, не развиваете армию! Даже такие ученые, как ты, у кого мозги работают в правильном направлении, остаются не при делах! И ты знаешь почему!

Стас покраснел, глаза налились кровью, руки самопроизвольно сжались в кулаки. Нет, он не собирался бросаться на Загара, тот говорил истинную правду, ничем не приукрашенную, и от того было обиднее вдвойне. Злился Стас на себя, что оказался заложником ситуации.

Бросать Аром, свой дом... От одной мысли о подобном корбило. С другой стороны, в словах Загара была доля истины. Стас и сам приходил к удручающим мыслям, что правительство Арома «гниет», что они не желают заботиться о большинстве граждан, что довольны сложившимся порядком и не готовы отстаивать интересы своих людей. Но и бросать сотни тысяч на произвол судьбы, на прихоть стихии было отвратно.

Поэтому Стас решил зайти с другой стороны:

– А если наш эксперимент не удастся? Где вы будете брать женщин в дальнейшем?

На лице Загара заходили желваки.

– Стас... Я же сказал – мы окажем помощь аромцам. Мы не кинем их. Я прекрасно понимаю тебя и твои мысли. Еще я понимаю, что общаясь со мной, ты пока не привык читать между строк. Хорошо... Я готов озвучить свои мысли, чтобы тебе было спокойно. Но впредь

давай-ка учись прислушиваться ко мне и делать соответствующие – правильные – выводы. Я отдам распоряжение – и на Аром прилетят несколько кораблей. Если начнутся глобальные катаклизмы, на них погрузят женщин и детей. Корабли никуда не полетят, покружатся над Аромом. Мирам, сколько времени продлятся землетрясения? Можешь вычислить?

– Две-три недели.

– Терпимо. Провизией запасемся. Окажем Арому ещё одну услугу, – Загар криво усмехнулся, но в его словах слышалась неприкрытая горечь.

– Естественно, не безвозмездно? – поддел его Стас.

– Естественно.

Стас медленно кивнул. Хорош бычиться, на самом деле. Другие колонизаторы на месте латунцев кинули бы аромцев на произвол судьбы или учинили напоследок форменный беспредел. В чем, в чем, а в одном Загар прав – аромцы ослабли, привыкли быть иждивенцами, жить на готовеньком. Никто не станет их уважать только потому, что они есть. И, возможно, сами Небеса решили послать им испытание в виде кроваво-красной Луны.

Всё может быть.

Мужчины проговорили до утра. Обсуждали дальнейший план действий. Загар решил не откладывать важные звонки до утра, а начать действовать сразу же. Был дорог каждый час. Наплевав на время, позвонил в консульство Арома и потребовал соединить его с правительством, после чего дал четкие и конкретные указания по поводу новой партии молодых эшелонцев. Стасу было неприятно слышать, как младенцев называют «новой партией», только в свете открывшихся событий он начинал думать, что этим детям, возможно, даже повезло. Да, они будут лишены дома и родительского тепла. Их будут воспитывать другие люди. Но детишек забирали в том возрасте, когда они ещё не знали своих родителей, не помнили материнской ласки. В этом плане латунцы были предусмотрительными. И у этих детей будет возможность вырасти не бесхребетными амебами, как большинство жителей Арома, а полноправными гражданами галактики.

Лишь под утро, когда рядом с Луной появился солнечный диск с ещё не греющими лучами, Стасу представилась возможность поговорить с Богданом. Тот, несмотря на то, что не спал практически сутки, выглядел бодрым.

– Ирида у тебя?

– У меня.

Они остались в кабинете одни.

Стас встал напротив друга, засунув большие пальцы в карманы брюк и раскачиваясь на пятках. Вести разговор об Ириде оказалось нелегко. Очень быстро из друга и покровителя семьи, Богдан превратился в пару сестры, чьё будущее счастье теперь полностью зависело от него. Стас чувствовал себя не в своей тарелке, обычное ерничество, так свойственное ему в отношениях с Богданом, застряло в горле.

Богдан почувствовал заминку друга, подошёл к нему и хлопнул по плечу:

– Не напрягайся, Стас. Всё будет хорошо. Но не сразу. Должен это понимать.

– Слушай, Богдан...

– Да?

– Не улетай с ней сразу на Латунию. Не пугай её.

– Я и не планировал. Дам ей некоторое время на адаптацию.

Стас сдержанно кивнул. Лишних слов здесь не требовалось.

* * *

Ириде снился прекрасный сон. Синее море, которое она не видела никогда в реальности, билось о борта небольшого корабля, мирно плывущего в неизведанные дали. Яркое солнце

приятно грело кожу. Ирида прилегла на лежак и наслаждалась тихим безмятежным днем. На душе было непривычно спокойно и легко. Девушка лежала на животе, закрыв глаза и подложив под лоб руки.

Когда на спину опустилась мужская ладонь и осторожно прошла по позвоночнику, Ирида едва не замурлыкала, так было приятно. Разомлевшая под теплыми лучами, слегка укаченная волнами, Ирида пребывала в сладкой полудреме, и прикосновение Кирилла вызвало отклик в ее теле. Робкий, но вполне ощутимый. И хотя Ирида не была настроена на занятия любовью, останавливать Кира не стала. Зачем? В последние дни они очень редко виделись, и сама поездка уже была небольшим чудом. Так к чему препятствовать удовольствию?

Кир принял её молчаливое одобрение, и его прикосновения обрели большую уверенность. Растопырив пальцы, словно пытаясь охватить больше пространства её кожи, он начал интенсивнее водить ими по спине, то ли делая массажные движения, то ли лаская подобным образом. В любом случае, Ириде нравилось. На её губах заиграла улыбка, и, чтобы показать молодому человеку, что его прикосновения ей приятны, она негромко застонала. Ей не сложно, ему приятно.

Её стон возымел действие. Давление пальцев ощутимо усилилось. И движения, определенно, перестали носить характер массажа. Пальцы бесстыдно скользнули к полоске бикини и пробрались внутрь. Задержались на округлых ягодицах, чуть сжали их, а потом нагло направились к лону Ириды.

Девушка поерзала бедрами, то ли требуя более глубокой ласки, то ли подогревая желание мужчины.

– Кир...

Имя мужчины сорвалось с её губ непроизвольно. И она уже приготовилась услышать в ответ такое знакомое: «Малыш»...

Но вместо этого её резко дернули за плечо и бесцеремонно перевернули на спину, одновременно вскидывая неким образом пойманные руки кверху и наваливаясь всей тяжестью. Ирида даже не поняла, что произошло.

И лишь темно-синие глаза, пылающие бешеной яростью, вернули её к действительности.

Это был лишь сон, где было море, яхта и Кир.

В реальности – чужая спальня, чужая кровать и разгневанный обнаженный мужчина с искаженным от злости лицом.

– Кир? – не сказал, выплюнул Богдан, сильнее сжимая её сведенные вместе запястья. – Значит, вот о ком ты думаешь, находясь в моей кровати?! О своем разлюбленном Кире, Ирида? И долго это будет продолжаться? То, что ты сама – заметь, сама! – пришла ко мне, подразумевает, что ты раз и навсегда выкинешь из головы своего раскрепасного любовничка и будешь думать обо мне!

Ирида, продолжая находиться под впечатлением от чудесного сна, из которого её безжалостно выдернули, и ещё не осознавая, что рука, ласкающая её во сне, принадлежала Богдану, раздраженно выпалила:

– Кир был мне женихом!

И лишь когда увидела, как сужаются глаза Богдана, поняла, в какой ужасающей ситуации оказалась, и что лучше было промолчать. Но куда там... Ирида словно взглянула на них со стороны: она в одной тонкой сорочке лежит распластанная на огромной трансформирующейся кровати, а Богдан, полностью обнаженный, снова злой, нависает над ней. В голове мгновенно вспыхнула тысяча вопросов, и один из них выделялся красной нитью – не его ли прикосновения она слишком реально чувствовала даже сквозь призму сна?

– Значит, жених, – сквозь плотно сжатые губы прорычал Богдан, подтягивая крепкое натренированное тело выше, оказываясь между раскинутых бедер Ириды. Соприкосновение

с нежной девичьей кожей свело внутренности Богдана судорогой. Не таким он планировал возвращение домой. Совсем не таким.

Всю дорогу домой он думал, как дальше вести себя с Иридой. Простить отказ пока не мог, червоточинка внутри него ещё гнила, кровоточила, и снова бросать к ногам Ириды свои чувства Богдан не намеревался. Ему нужно время. Хотя бы пару недель. Остынет – и всё нормализуется. Гнев поутихнет, да и призрак Истова больше не будет маячить перед глазами. К тому же, им с Иридой предстояли очень насыщенные дни.

Придется потерпеть. Им обоим.

Про чувства Ириды он старался не думать. Девочка взрослая, свыкнется. И с ним, и с его укладом жизни.

Дом встретил его тишиной. Оно и понятно, час ранний. Ирида, скорее всего, спала. Так и оказалось. Поднявшись на второй этаж и войдя в спальный отсек, Богдан замер в дверном проеме.

Зрелище, представшее перед его глазами, было невероятно завораживающим.

На большой кровати, подогнанной под его размеры, свернувшись «клубочком» спала Ирида. Её белокурые волосы разметались по шелковым темно-фиолетовым простыням, светлую кожу идеально дополняла нежно-бирюзовая сатиновая сорочка, сбившаяся на бедрах и открывающая вид на изумительно округлые ягодички, прикрытые лишь тонкой полоской белых трусиков. Во сне Ирида выглядела безмятежно, расслабленно. Во сне её ничто не беспокоило... Грудь с заостренными сосками просвечивали сквозь ткань – и звали мужчину.

Как же долго он ждал, когда вот так вернется домой и застанет в своей постели её... свою девочку... своё безумное наваждение. Увидит, как она ровно дышит, как спокойно спит, в ожидании его. Как её тело, утомленное от его ласк, отдыхает в преддверии новых.

Конечно, это были только фантазии, которыми он спасался долгих четыре года. Он раз за разом рисовал в голове образ Ириды, прикидывая, какой она стала теперь, когда выросла. Какая у неё походка, какой тембр голоса. И всё равно Богдан не смог предугадать. Реальность превзошла все ожидания.

Его девочка была создана для него...

Сейчас, когда Богдан стоял в дверном проеме спального отсека, ему на мгновение показалось, что они счастливая супружеская пара, что между ними нет стены недопонимания и отчужденности, что Ирида ждет его. И поддавшись слабости, позволив себе такую роскошь, мужчина поспешил раздеться. Он бесшумно сдирал с себя опостылевшую одежду, спешил, ему не терпелось лечь рядом с Иридой, вдохнуть её сводящий с ума запах, прикоснуться к ней. Одежда жалобно трещала, когда её безжалостно рвали.

Оставшись обнаженным, Богдан бесшумно, стремительно преодолел расстояние до кровати. Остановился, чтобы перевести дыхание, обжигающее легкие. Вот она... Ирида... Его мечта... Такая маняще-сладкая... Маленькая... Обнять её, осторожно прижав к груди, отгородить от всего мира, защитить, успокоить и получить в ответ робкие ласки. Не это ли составляет основу мужского счастья?

Сдерживая яростную страсть, сжигающую его изнутри, вождение на грани разума, Богдан осторожно опустился рядом с Иридой, стараясь не разбудить её резкими движениями. Плевать на собственную гордость... Он как-нибудь переживет своё ущемленное эго. Сейчас для него главным стало удовольствие Ириды.

Он осторожно коснулся её лопатки, опуская лямку сорочки. Скользнул ко второй. Ирида пошевелилась во сне и перевернулась на живот, что-то сонно проворчав, и – о, Небеса, – приподняв бедра, точно сознательно искушая его и подталкивая к дальнейшим действиям.

Богдану не требовалось второго приглашения. Сжав губы, практически перестав дышать, он прикоснулся к позвоночнику, осторожно исследуя кожу на бархатистость. Сорочка и вовсе задралась, позволяя его жадному, голодному взгляду увидеть обнаженные ягодички, на кото-

рых трусики явно были лишними. Он потянул за ткань и тут услышал имя, сорвавшееся с губ Ириды.

Мужское.

Не его.

И мир мгновенно запылал кровавым заревом.

В Бездну полетела нежность! В Бездну покатались благие намерения! Лишь ревность, что выжигает всё на своем пути, окрасила мир Богдана, выворачивая его страсть, его трепетное отношение к Ириде наизнанку, что неприглядно и безмерно опасна. Захотелось рвать, кромсать, бить, уничтожать. Ломать всё, что попадет под руку.

Богдан рванул Ириду на себя, переворачивая её, одновременно захватывая её запястья, соединяя их и вскидывая над головой девушки. Та, находясь под властью сна, не до конца проснувшись, никак не могла понять, что происходит, на её лице застыла растерянность. Потом испуг и непонимание.

Но Богдану уже было наплевать на всё... Его нежность разбилась о безжалостные штыри черной глухой ревности, разорвалась на части, вспарывая его сущность, его мечты, его надежды на ответное чувство.

Теперь осталось место только вожделению. Тому древнему, без малейших примесей чувств, рожденному в темных пещерах с незапамятных времен. И именно оно двигало Богданом.

– Значит, говоришь жених, – тщательно выговаривая каждое слово, произнес он, склоняясь над Иридой и наслаждаясь её испугом. О, да, сейчас он упивался её страхом, её растерянностью. Её беспомощностью. Он ликовал от осознания, что она полностью в его власти, что никто не в силах помешать ему делать с ней всё, что он пожелает. А желал он многое. Её тело звало, манило, притягивало сильнее любых земных орбит. Распластанное под ним, едва ли не распятое, оно было его. Раскрытое и доступное.

И Богдан не намеревался отказываться больше ни от чего.

Его движения были лишены малейшего намека на нежность. Глаза излучали едва сдерживаемую ярость, которая готова была сорваться с поводка от одного неосторожного высказывания. Ирида интуитивно это поняла, часто задышала, пытаясь совладать с накотившими эмоциями, что плохо поддавались контролю. Сон окончательно покинул её, оставив в душе неприятный осадок. Она боялась посмотреть в лицо Богдана, боялась увидеть в нем жестокость.

– Богдан...

– О! Вспомнила, как меня зовут? – издевательски протянул он, и от его тона сердце замерло, с каждым словом погружаясь в холодную пучину безысходности. – Это хорошо, просто замечательно.

Свободной рукой Богдан взялся за край сорочки и рванул его. Тонкая ткань без усилий поддалась и разошлась на две части. Ирида, сглотнув, перестала дышать, замерла, не двигаясь. Она не хотела повторения прошлого секса, не хотела, чтобы он снова грубо и жестко в неё врывался, раздвигая и травмируя нежные складки. В голове отчаянно забились мысли – что же делать? Как исправить ошибку, сделанную в бессознательном состоянии?

– Богдан...

– Молчи, Ирида, лучше молчи! – его голос завибрировал от внутреннего напряжения, кадык нервно дернулся.

Время разговоров и «гляделок» прошло, уступив место действиям. У Ириды возникло стойкое чувство дежа вю, когда Богдан бесцеремонно раздвинул её ноги шире, вклинивая свои, казавшиеся каменными, бедра. Руку властно положил на грудь и ощутимо её сжал. И снова без нежности, без бережливости.

Ирида всё же посмотрела в лицо своего мучителя и задохнулась, когда не увидела на нем и капли теплоты. Лишь только похоть плескалась в темных глазах. И на Ириду штормовым потоком обрушилось отчаяние. Неужели так будет всегда – жестко, на грани фола, без церемонии, без прелюдии? Неужели обида Славинского столь глубока, что перечеркнула всё, что было ранее, до того рокового разговора у клуба?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.